

РОДИНА НЕБЕСНАЯ, РОДИНА ЗЕМНАЯ...

Алла Зуева

**"Благословляется издание сей сказки.
Пусть она послужит духовному пробуждению и созиданию
православного мировоззрения юношества и наставит на всякую
добродетель; чтобы молитвами святых Царственных
Мучеников возродились в нашем народе вера и благочестие.
И дарует нам Господь православного Царя...
и наступит Утро России..."
Епископ Анадырский и Чукотский Диомид**

**ДЕТЯМ НЫНЕШНЕЙ И БУДУЩЕЙ РОССИИ-
посвящается...**

**"Он не видит здесь сказки заветной, заповедной.
Он говорит: "Может, здесь что и было, да сплыло".
Ему надобно "за сказкой" ехать в "Персию", в Шираз
или в Багдад.
А у нас с тобою..."**

Б. Шергин

**"Мысли мрачные, тревожные
Сказкой счастья разогнать..."
С. Бехтеев ("Золотые сны")**

Я не знаю, дорогой мой читатель (и маленький, и взрослый), как назвать написанное мною - сказкой ли, сном ли наяву или просто душевным вздыханием, слезкой сердечной, сокрушенной по Небесной и земной моей Родине...

Русские сказки всегда начинались по зачину, известному с самого детства: "Жили-были..." Так вот, в один из вечеров на душе у меня было как-то особенно светло, РОЖДЕСТВЕННО, как, наверное, бывает только в святочные зимние дни. В каждом сердце человеческом, как драгоценная жемчужинка, живет сгусток лучистой радости, маленький мир сокровенного, без чего не может дышать душа... В такие вечера я беру в руки книгу любимого писателя, русского сказочника Бориса Шергина.

Вот послушайте: "Серебристо-белый свет от напавших везде - крыши, карнизы, заборы, деревья, дороги - снегов белых, пушистых. Будто и не ночь, а день, только не наш будничней, а день в сказке, полдень-полуночь в некотором царстве. Молча падают снега, все молчит, ждет продолженья сказки. Сказочная свадьба снежного царевича неслышно должна проехать этими уготованными к празднику

лебяжьими переулками... Как люди-те уснут, снега устелют дороги, чисто, неслышно припадет - тут сказка и свершится..."

Святой Мученик Царевич Алексей Романов и Великие Княжны, его Сестры - Мученицы-Царевны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия - очень любили русские сказки. Эти сказки потому и рождаются на нашей земле, что народ верил и верит в них. А "вера есть уповаемых извещение". Любимый русским народом писатель Владимир Крупин как-то сказал: "Нам безпрестанно талдычат, что... все потеряно, забыто, сказка!.." Но что есть сказка?! "Что похоже на сказку - говорит старица схимонахиня Гавриила - то и есть действительность, тогда как все остальное, что мы представляем действительностью, - таковой не является..."

Могу сказать только одно: когда писалась эта маленькая сказочная история - сердце искало ЧИСТОТЫ и СКАЗКИ...

***Как будто душу унесло
В пределы небывалые,
Так все лазурно и светло,
Снега синеют талые...***

Н.Карташева

Верую, несомненно, верую, - настанет день, и из глубин русских снегов, РУССКОГО РОЖДЕСТВА - воссияет родной, долгожданный, светозарный Лик Царевича Алексия. И воскрылятся мощно и необоримо на Руси - Благословенные ЦАРСКИЕ ДНИ. И воспарит над снежными полями заплаканной Родины моей Царственный Мученик Алексей, укрывая их Своей Царской Мантией. И просияет Земля Русская аки тысячи Солнц...

И придет тогда Весна Воскресения на Русскую Землю, Пасха Русская, Пасхальный Огонь Небес, - и растопит многолетние снега... И Великое Русское Половодье смоев всю грязь с лица земли...

Тут Сказка и свершится...

Аминь!

"Ты спишь? Я пришел тебе рассказать странные сказки..."

Они появились в моем городе неожиданно. Мальчик и Девочка. Взявшись за руки, Дети тихо передвигались по еще пустынным (был очень ранний час!), спящим улочкам к центральной части города, и шаги их мягко раздавались в предрассветной тишине. Весеннее утро было похоже на цветную акварель: откуда-то сверху оно струилось на город солнечными, розовато-дымчатыми потоками, нежно дышало в майской траве, сверкало на куполах церквей густым абрикосово - спелым цветом и неспешно брело по набережной реки, оставляя на воде отсвет

умиротворения и прохладно-голубоватой чистоты...

Было утро Воскресного дня... Мальчик-отрок с дивной красоты лицом и ясными лучистыми глазами, одетый в аккуратный бело-голубой матросский костюмчик, ласково смотрел на спутницу и что-то тихо говорил ей. Девочка-отроковица была несколько старше Мальчика. Весь ее облик дышал такой неземной чистотой и свежестью, что она в своем белоснежном, пенящемся кружевами платьице, с пышными, слегка вьющимися волосами, обрамленными сзади большим бантом, казалась продолжением звенящего утра... Такой маленький прозрачный ландыш в лесной чаще, небесный колокольчик в нежно - зеленой пене травы...

В огромном промышленном мегаполисе эти две хрупкие, светлые детские фигурки, эти два колокольчика - своей пронзительной чистотой были созвучны, казалось, лишь щемящей надмирности летящих над городом, высоко в синеве, золотых куполов...

***"Они как последний отблеск света в черном небе,
последний отблеск, обещающий желанную зарю..."***

Центральный проспект моего города, как и во всех крупных городах, представлял собой торговый центр с бесконечным количеством магазинов и коммерческих рядов под пластиковыми тентами.

Девочка внимательно и медленно, с заметным напряжением в лице, читала названия вывесок на угловом высотном доме:

- Хар-чи, пло-ща не-за-леж-нос-ти...

Витрины рядом - привлекли ее внимание своей иллюминацией:

- Су-пер-мар-кет "Наш Геть-ман"...

Она обернулась к Мальчику:

- Алеша, солнышко, так странно... Буквы как-будто русские, а понять ничего не могу. Слов этих ни Папа, ни милая Мамочка никогда не произносили, правда? Я ничего не понимаю - ведь ты говорил, что в 1915 году Папа приезжал в этот город?..

Мальчик внимательно посмотрел на сестру (девочка была его сестрой):

- Приезжал, Анастасия. И даже шел по этой самой улице, по которой мы с тобой сейчас идем. Вон там, среди деревьев, видишь, звонница крестом сияет... В этом храме в честь прибытия Папы был отслужен молебен, и Папа молился здесь за всех "во граде сем живущих"... Он же рассказывал нам тогда, на "Штандарте", помнишь?

Девочка растерянно оглянулась вокруг. Город просыпался, оживал - зазвенели на поворотах старенькие трамвайчики, в воздухе разлился птичий гам, суетливо заспешили по тротуарам прохожие с хмурыми лицами. И, странное дело, никто из них не обращал никакого внимания на необычных Детей, словно не видел их. Или - не мог увидеть?.. Хотя, все же, не совсем так...

По самому краю тротуара, собираясь, видимо, переходить улицу,

деловой походкой шла молодая женщина с усталым лицом и тянула за руку симпатичного малыша, спотыкавшегося из-за быстрой ходьбы, но все же успевающего рассмотреть и воробышка в небе, и пробежавший мимо троллейбус со смешными дугами, и ...

- Мама! Мамочка!- радостно закричал ребенок.- Это настоящая матроска, да? Посмотри на того Мальчика! Я хочу поиграть с ним, хочу...

Женщина с раздражением оглянулась на остановившегося посреди тротуара сына, указывавшего рукой куда-то в сторону:

- Что ты выдумываешь? Где? Ну, где мальчик? Какой мальчик, я тебя спрашиваю?

- Вот же, мамочка, смотрит на тебя, под каштаном. Видишь, поправляет Девочке бант в волосах...

- Мне только твоих фантазий не хватало, для них сейчас самое время. Скорее, мы опаздываем...

Женщина грубо потянула ребенка за руку и, уже не обращая внимания на его слезные всхлипы, почти побежала к трамвайной остановке на другой стороне улицы.

Царские Дети долго смотрели вслед мальчику. Затем Анастасия медленно подняла руку и широким крестом благословила удалявшегося малыша...

"Может быть, мы и не нужны, если не нужна Россия.

Но она жива, и разве вы не понимаете, что живы и мы, как она?..."

-Анастасия, смотри, голуби!..

- Где, Алеша?

- Вон, видишь, на другой стороне площади, у памятника! Куда же ты смотришь?! У того, с протянутой вперед рукой, в кепке... Побежали скорей!

- Алешенька! Как их много! Точно такие, как у нашего Дворца, помнишь? Мамочка всегда давала нам булки с изюмом, и мы их кормили на нашей любимой полянке в парке... Только прошу, не пойдем туда! - Девочка оглянулась в сторону голубей. - Ведь этот памятник, ты знаешь, КОМУ он поставлен. Разве люди не понимают, КОМУ ?!..

Шумная стайка серо-сизых и белых голубей, словно услышав нежелание Девочки приближаться к мрачному каменному истукану, перелетела к центру площади. Солнечные лучи играли на птичьем оперении, и это спустившееся с высоты трепещущее, радужное облако казалось чем-то нереальным, почти сказочным... Островком чего-то живого и чистого - посреди пугающей выхлопами машин шумной магистрали, суетливых улиц. Рядом с этой нелепой фигурой на постаменте...

Перебежать дорогу никак не удавалось. Машины плотным и густым потоком неслись одна за другой. Из раскрытых окон многих автомобилей

вырывались как дикие звери на свободу жуткие звуки какой-то нечеловеческой какофонии. Алеша успел перебежать проспект, а Анастасия, испугавшись вида огромного, черного, летящего прямо на нее, сверкающего джипа, вырвала свою ладошку из руки брата и замерла на разделительной полосе:

- Алеша!.. Мне нечем дышать!

От пролетевшей вихрем машины стая голубей дружно вспорхнула. Голубая плоть неба ожила, наполнившись нежным птичьим воркованьем и шелестом крыл - словно кто-то невидимый провел по воздуху розовато-молочной кистью, преобразив его ровную, почти прозрачную, голубизну, придав ей щемящую трепетность...

А спустя мгновение солнечные птицы опустились ... на процветшую весеннюю поляну с брызжущими желтизной головками одуванчиков... К ним, от белоснежных колонн Дворца, по влажной, утренней траве устремились две хрупких, звенящих как колокольчики, фигурки - Мальчик-отрок, в аккуратной бело-голубой матроске, и Девочка-отроковица в нежном платье, похожем на утро...

"Я лучше всего помню ее сияющее платье. Я теперь думаю, что такие же простые ситцевые ризы у Ангелов в раю..."

В небольшом дворике, за бездушными стенами огромного здания банка, сросшегося с "Казино", Дети вдруг увидели Божий Храм, маленькую церквушку с тремя серебристыми куполами. Чем-то теплым, родным - отозвалась эта встреча в душе Мальчика и его сестры-спутницы. Сердца Царских Детей радостно затрепетали, ощутив благодать. На мгновение им обоим показалось, что они Дома. Анастасии даже почудилось, что на паперти Храма мелькнул фиалковый цвет любимого маминоного платья.

Алексий тихо подошел к ограде церквушки и, взглянув ввысь, на сияющие кресты, неспешно перекрестился. Анастасия, чуть слышно произнеся молитву, встала возле брата. Женщины у подъезда одного из близстоящих домов возбужденно спорили о чем-то, не обращая никакого внимания на две благоговейно застывшие рядом с ними, у Храма, детские фигурки. И только один малыш, высвободив ладошку из руки своей громко говорившей мамы, подошел к ограде и, уткнувшись носом в ее металлические прутья, широко открытыми синими глазенками долго смотрел на два солнечных луча-силуэта, сиявших в пространстве двора подобно двум пасхальным свечам - словно пытаюсь понять то, что открылось, быть может, в те мгновения ему одному...

"Стоят несменным караулом, ночью и днем, часовые у спящих знамен России..."

В храме мягко мерцали лампы. В легком тумане кадильного дыма

трепетали живые золотистые огоньки чьих-то молитв, вздыханий, слез.

Как две оброненных слезинки Ангела, Царственные Дети замерли у порога.

-Папочка! - зашептала, вдруг заплакав, Анастасия. Горячие слезы мгновенно залили ее нежное личико.

У левой стены, в углу, недалеко от входа, они увидели большую икону своего Отца, Государя Николая Александровича. Живыми и такими родными, добрыми лучистыми глазами Он смотрел на них и, казалось, благословлял взглядом...Царские очи взирали кротко и смиренно. Они источали любовь и всепрощение. Милость ко всем. Царь-Отец благословлял с Небес всех своих детей...

- Отец! - снова тихо вздохнула Царевна и, подойдя к иконе, облобызала десницу Святого Государя, держащую скипетр.

И тут только заметила, при свете высокой восковой свечи, зажженной на подсвечнике подле иконы, молодую женщину с бледным и заплаканным лицом. Огромные глаза выражали боль и тревогу. Женщина стояла на коленях и как бы сквозь Анастасию смотрела на икону ее Отца. Она вся была устремлена в молитве ввысь - к Святому Лику Царя. Алексей тихонько позвал сестру. Анастасия услышала молитву:

- Боже Милостивый! Просвети и очисти наши души пламенным огнем жертвенной Свечи, возженной у Престола Сына Твоего Святыми Царственными Мучениками и Страдальцами за весь наш грешный мир.

Спаси и помилуй детей наших, ныне развращаемых духом страшного сатанинского времени. Утверди в их сердцах Светозарный Ангельский образ Святого Отрока Цесаревича Алексея, им же, Агнцем Русским, Правда Божия на Святой Руси да возсияет.

Спаси и помилуй нас, грешных, молитвами всех Новомучеников и Исповедников, прославленных и непрославленных, в Земле Русской подвигами просиявших во Имя Твое, имена же их Ты, Господи, веси, ныне, и присно, и во веки веков, аминь...

Царственные Дети-Мученики опустились рядом с женщиной на колени.

Они слезно молились Творцу пред Иконой Царственного Отца-Страдальца о помиловании людей, столь тяжко согрешивших пред Богом и Царем - Помазанником Божиим...Алексий и Анастасия так погружены были в молитву, что не заметили, как спустя некоторое время увлажнились небесной влагой очи их Державного Отца на иконе...

"Есть скорбные Ангелы, и свернуты их темные, как печаль, крылья, и скорбно смотрят они ночью вниз на землю..."

В городском парке, на детской площадке, было много малышей. Алексей и Анастасия, выйдя из Храма, направились в парк и встали неподалеку, наблюдая за их игрой. Дети в ярких костюмчиках и платьицах, шумные и неугомонные, бегали по песочным дорожкам друг за другом, не обращая внимания на родителей. Какой-то мальчик истошно кричал и пытался ударить игрушкой свою бабушку. У входа на площадку девчушка с большими бантами в косичках, крепко ухватившись за качели, не желала уступить место другой девочке и раздраженно отмахивалась от маминых рук...

Анастасия задумчиво смотрела на истерично кричавшую девочку. Ей было жаль малышку. А еще почему-то было жаль всех этих людей, и взрослых, и маленьких, всех, кто был окрест... Если бы можно было увести их всех, прямо сейчас, в ее любимый с детства парк Царскосельского Дворца!... С его красивыми тенистыми аллеями и зеркальными прудами, окруженными полянами, благоухающими от обилия цветов!... словно некое былинное царство наяву...

Милая и дорогая русскому сердцу старинная патриархальная Русь с традициями и бытом, основанными на Божиих заповедях... Царевне Анастасии были не по душе бездушные коробки-новостройки, эти стриженные на европейский манер колючие газоны, эти уродливые пластмассовые чудовища-игрушки в руках детей - вместо милых оловянных солдатиков и добрых кукол... ("Человек - паук" - подслушала Анастасия у малыша) Роботы-монстры, человеко-пауки!

Разве это должно наполнять детскую душу?! Страшное и жестокое?!... И даже то, как обращались дети друг к другу, отзывалось в сердце щемящей болью. Анастасии очень хотелось поиграть с ними, поговорить, но словно какая-то невидимая стена отделяла ее от них. Она всматривалась в глаза детей и ясно видела, что дух этого жестокого времени искажил даже лица младенцев. Горький крик душевного сострадания застыл в ее светлых глазах...

- Смотри, Алеша, - Анастасия показала рукой на малышей, сидевших на траве у детской горки. - Мы с тобой тоже когда-то строили из кубиков домики для моих кукол, помнишь? Но у этих мальчиков, кажется, ничего не получается - видишь, кубики не слушаются, разваливаются в разные стороны...

- Это потому, - вздохнул Алексей, - что они строят то многоэтажное бетонное чудовище, которое мы видели сегодня утром на площади. Не могу вспомнить, как оно называлось...

- Супермаркет, - подсказала Анастасия.

Алексий на мгновение задумался, вспомнив дорогое детство:

- Помнишь, какие чудесные сказочные терема из снега мы строили с Папой в зимние вечера, в Царском Селе... А еще - рождественские пещерки из цветной ваты, украшенные Вифлеемской звездой из блессток. Если бы Бог дал, сколько чудесного и истинного мы бы могли рассказать и показать им, Анастасия!...

Уроудливый небоскреб из кубиков в очередной раз развалился.

- Мы бы построили вместе Родной Дом, наш, Русский, настоящий!
Странно, Алеша, мы ведь так близко, но подойти к ним не можем...

- Просто мы несем в себе то, что им пока не понять... Наша боль еще не стала их болью. Россия-Матушка сироткой так и стоит у двери, и стучит, но ее никто не слышит, не зовет и не ждет. За закрытой дверью думают, что все - дома и некого искать в ночи...

- Алешенька! Как мне жаль мой бедный Русский Народ! Им только кажется, что они Дома... Но их - обманули... Они - бездомные странники в безпроглядной ночи...

***"Они взяли за белые стены свою молодежь и своих детей.
Они принесли сюда веру и красоту..."***

Яркое весеннее солнышко золотой пылью рассыпалось по волосам Анастасии. Девочка протянула к нему ладошки и, подержав их так немного под горячими лучами, уронила на лицо, радостно засмеявшись:

- Я умываюсь солнышком! Как в Ливадии по утрам, на берегу моря, с Папой!

Анастасия прикрыла глаза... Ливадия... Большие, светлые окна, открытые террасы, галереи, балкончики... Вокруг Дворца - аккуратные кусты буксуса, туи, клумбы разомлевших от солнца роз. Ранний, предрассветный час - нежный плеск волн, идущий откуда-то снизу, крики проснувшихся чаек в розовой пене небес... Настежь открытое на первом этаже окно отливает бирюзой. По дорожке к морю прошелестело, почти паря над землей, светлое облако платья, мелькнул силуэт:

- Анастасия, не стой у окна, простудишься!...

- Мамочка, если бы ты видела, какая чайка сейчас пролетела...

На лужайке перед Дворцом Алеша бегаёт наперегонки со своим любимым спаниелем. Девочка смотрит на брата сквозь стекло. Заметив сестру, он весело улыбается и подбегает ближе к окну. Анастасия видит его открытое радостное лицо, ясные и лучистые, как это утро, глаза... Видит словно впервые... Не так, как всегда, а будто в замедленном кино... Вот он поднял руку и что-то говорит ей, вот кивает головой, поправляет воротничок на своей бело-голубой матроске...

"Где-то там, в таинственной тишине уже возникала "твердь среди воды" и "свет" уже отделялся от "тьмы"... Милый, милый Иван Александрович (Ильин - прим. Авт.), как зорко ты видел и как много успел сказать нам - на столетие вперед: "...исповедание уже сложилось - но пребывало в безмолвии; и выбор был уже совершен, и путь был предначертан - и оставалось только пойти по этому пути..."

...Солнце заливало лицо счастливого брата. Он то подбегал к окну, то удалялся от него. И вдруг... На какой-то миг, едва уловимый, Анастасия почувствовала, ощутила затрепетавшей душой - ...капельки крови уже стекают вниз по стеклу, сливаясь сначала в тоненькие, затем

все более густые ручейки, постепенно СТИРАЯ, СМЫВАЯ, СКРЫВАЯ за собой это нежное лицо херувима, этот озорной, искрящийся жизнью, солнечный лучик... Вымоленную и долгожданную радость Августейших родителей, Аленький Цветочек Земли Русской...

И, может, открылось ей в те минуты - не суждено светлому Русскому мальчику Алешеньке, Светозарному Отроку Алексию стать Царем всея Руси...

Было ли так на самом деле? Наверное, нет... Но до боли сердечной понятно: где-то там, в таинственной выси, у горних приделов, **УЖЕ ГОРЕЛО НЕБО ОТ НЕВЫСКАЗАННОЙ МУКИ И СЛЕЗ...**

И кровоточил взорванный Престол Руси, и кровоточили души России Верных... И безутешно плакали Ангелы...

"На каменистых холмах будут мочить дожди - двуглавых орлов, сложенных из серых морских галек и раковин. И раковины станут шуметь печальным шумом прибоя..."

"Хлопья гари поднялись от земли моей (...)Залегла ночь. Сочится, медля, отсчитанный срок Апокалипсиса, когда третий Ангел вылил чашу свою, и сделалась Великая Кровь..."

Поле было огромным и очень красивым, словно прошитым цветными солнечными нитями. От множества разнообразных цветов шло тончайшее благоухание. Алеша и Анастасия не знали, как они здесь оказались... Так далеко, почти на окраине города... Будто кто-то позвал и привел их сюда. Яркие лучи янтарной паутиной лежали на травах, пахло медом и зноем...

Первым спускающуюся к земле в медленном полете птицу увидел Алеша. Каждый взмах ее белоснежного крыла посылал вниз сноп золотистого света... Мальчику показалось, что все цветы на поле пригнули свои головки в благоговейном поклоне. При приближении небесной птицы к земле - Дети рассмотрели дивной красоты лебедя с длинной тонкой шеей и большими грустными глазами.

Когда чудо-птица скрылась в травах, они побежали за ней, но через мгновение в изумлении отпрянули: прямо к ним, паря над цветами и травами, не касаясь земли - плыла Дева... В облака белоснежные укутанная... Светозарный Лик Ее сиял как утренняя заря... Ризы светлые, неземным величием блистающие, небесною росой унизанные... Очи скорбные - раненого лебедя... Как ступала по травам нехоженным - колокольцы во облацех отзывались серебряными переливами... Детский голос - ангельский, чистый - струился во след Ея:

Ой, вороны, вороны

**Над мыслями смелыми,
Лугами росистыми,
Над душами чистыми,
Ой, вороны, вороны...**

Сияние от Девы становилось все ослепительнее: Царственные Дети в благоговении преклонили колена... Сердца их таяли от Благодати, ниспосланной Творцом. Царственные Страдальцы коленопреклоненно молились, ибо знали, пред КЕМ сейчас предстоят...СВЯТАЯ МАТУШКА-РУСЬ, ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА... Заповедная Русь, удел Пресвятой Владычицы Богородицы, сошедшая на Землю из сокровенных высот духовного неба...

Воздух стал медленно сгущаться. Поле, сотканное из трав и цветов, неспешно таяло, исчезая...А вместо него, словно из какой-то иной реальности, появились, мягко сияя, Русские свечи - березы...Тысячи берез, своими ветвями соединяющих землю с Небом...

Дети не могли оторвать глаз от их молочно- нежных стволов, между которыми, будто акварелью на фоне небесной голубизны рисуемые, во множестве вспыхивали, как звезды на небосклоне, Храмы Божии... Со всей необъятной Земли Русской они вдруг воссияли куполами здесь, на этом Небесном поле...

- Матушка! - только и смог выговорить Алеша, на коленях припав к краю белоснежных риз Руси-Молитвенницы.

Когда Цесаревич поднялся от земли и обратил полные слез глаза горе, вверх, Святая Дева-Русь осенила его Иверским образом Владычицы нашей Богородицы:

- Благословение Царицы Небесной, Заступницы моей Милостивой...

И вновь Алешенька услышал тонкий голос ребенка, звонко расколовший архангельскую тишину...Голос знаменный, с небес льющийся:

**У подножия Божественной Иконы
Слышатся рыдания и стоны,
Скорбного моления слова -
Это плачет, слезы проливая,
Наша Мать несчастная, родная,
Русь Святая - скорбная Вдова...**

Алексий обратил взор к иконе и увидел вдруг, что образ обильно источает благоуханное миро. Оно стекало и струилось с Лица Пречистой...

**И в ответ из храмины надзвездной
Ей звучит любовно голос нежный
Кротко-благостной Царицы всех цариц,
Радость близкого спасенья предвещающая,**

***Грешницу в печалях утешая,
Перед Ней простершуюся ниц:***

***"Ты не плачь, возлюбленная Мною,
Омофором Я тебя покрою,
Проведу чрез поприще скорбей
И рассеяв полчища безбожья,
Я верну тебе Помазанника Божья,
Прежний блеск и звон твоих Церквей..."***

Дева-Русь разжала ладонь правой руки: на ней пламенел радужными лепестками живой пульсирующий пасхальный огонек - Аленький Цвет...Сверкая разноцветными драгоценными капельками, он дышал и стучал как сердце...

- Это Сердце Святой Руси... Когда миро войдет в душу и плоть русского человека, тогда русский народ услышит его стук. Услышит и пойдет на Зов...

Алексий почувствовал пламенный ритм Аленького Сердца-Цветка, который становился биением его собственного сердца, как бы прорастая внутрь...И вот уже его сердечко бьется в лад с пасхальным огоньком в ладони Матушки-Руси...

Сияющая Дева осенила Царственных Детей крестом:

- Благословляю вам Русь!..

И с этими словами тысячеголосый ангельский хор зазвенел колокольно высоко-высоко в небесах. Мгновение - и от явленного чуда осталось только легкое золотистое свечение, медленно плывущее над полем цветов...

"Здесь свеж медовый запах русской гречихи, когда радостно сквозят сетки дождей в сквозящей небесной сини над реющими русскими полосками и перелесками. Россия светит и сквозит здесь..."

На одной из площадей собралась небольшая толпа возбужденных людей. Высокий мужчина средних лет, с рупором в руках, пытается перекричать спорящих, время от времени произносил один и тот же заученный текст:

- Товарищи, мы считаем, что украинская нация исторически сформировалась как нация европейской культуры. И величайшая ее трагедия заключается в том, что народ попал в сферу влияния Российской империи...

Алеша медленно шел по тротуару. Каждое слово, вырывавшееся из рупора и гремевшее над площадью, тупой болью отзывалось в сердце.

- Алеша! - Анастасия легонько коснулась его плеча и вопросительно кивнула в сторону пробежавшего трамвая. - Почему он такой звездно-

полосатый? И что такое "сти-мо-рол"?...

Рупор хрипел: "Что же касается русской культуры, то мы уверены в необходимости как можно быстрее порвать с ней, ибо она внедряет в наше сознание анти-европейский стиль поведения и чуждую нам мораль..."

Анастасия изумленно воскликнула: "Что он говорит?! Какая путаница у них в головах! И какая ненависть ко всему русскому! Но почему?! Разве Киев - не мать всех городов русских?! Я не понимаю, Алеша... Помнишь, Папа был в Киево-Печерской Лавре и так интересно рассказывал нам о том, как осматривал самую древнюю Церковь Спаса на Бересте. Разве можно забыть народу свой дух, Алеша? Ведь Ильин, знаешь, писал, что..."

Алексий, внимательно посмотрев на сестру, задумчиво сказал:

- Эти люди, наверное, не читали Ильина. Или читали, да все забыли... Помнишь, я как-то рассказывал тебе о своем сне? Холодное, снежное, абсолютно голое пространство, а в центре его - К Р Е С Т с вершиной до самого неба. Крест стоит на Русском Ратном поле... Тысячи крестов... На них распята Русь... Понимаешь, душа народа пленена, подавлена... Безкрылый, безгласный, безбожный дух оледенил сердца... Нет в них пасхального огонька! Народ заблудился... Обманут... Святыни его под спудом... Ты слышишь, как голо кругом и пусто? Помнишь, как плакала Мама? Как скорбела она о русском народе - доверчивом, как дитя?!...

- Как страшно, Алешенька! Мне все время хочется спросить у прохожих: "Где мы? В какой стране?"... Потому что ничего русского не осталось - того, чем Русь всегда была жива, о чем нам так часто читала Мамочка... И только Храмы еще стоят, далекие и чуждые этой жизни, но такие родные, русские... Как та церквушечка, в которой мы сегодня молились - она, наверное, еще в наше Царское время была... Душа ее жива и все помнит... Но чтобы снова стать русскими, народу нужно прозреть от слепоты...

Крестным знаменем Алексий издала осенил кричавшую толпу. И вдруг, по Милости Божией, произошло чудо... Злобные голоса и шум неожиданно стихли, и Дети увидели высоко-высоко в небе, над площадью, медленно идущее босое Дитя в длинной рубашечке... Маленькую девочку, ступающую как бы по полю, по росистой голубоватой траве...

Рубашечка была в крови и на траве оставляла следы. В ручках своих дитя крепко держало Евангелие и сияющий КРЕСТ, над головкой девочки горел святой нимб, тоже в капельках крови...

Дитя пело - серебристый, нежный голос пронизывал все пространство вокруг неземным звучанием, которого, похоже, никто, кроме Царственных Детей, не слышал...

- Я знаю эту травку, Алеша..., - тихо, со слезами, шепнула Анастасия. - "Богородицыны слезки" называется...

Голос девочки проникал в самую душу детей:

***Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней...
Стала озеро выпрашивать,
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую, поддонную
Про Святую Русь крещеную...***

- Знаешь ли ты, Алешенька, кто Дитя это малое?...

- Душа моей Родины, Анастасия... Нашей Отчины... А то озеро, видишь, перед ней, - Светлояр. На дне его - затонувший Китеж-град. "Боговидческое озеро русской земли", - называл его Иван Ильин. Град великий и славный, с колокольнями, церквями, град людей, "соблюдших правду Божию" и не отдавших святорусских святынь на поругание... Врагам Отечества - земного и Небесного...

В это мгновение девочка подошла к озеру и босыми стопочками пошла по воде. Водная гладь заискрилась изумрудно-золотым свечением, и по ней поплыли отражения храмов, колоколен, святых крестов. Алеша и Анастасия услышали могучие удары колокола, торжественный подводный гул, льющийся из недр Святой Руси.

Спустя несколько мгновений звон колоколов стал раскатистее, величественнее, как на Пасху... Величавый он - наш Пасхальный русский звон... Над головкой девочки закружил неожиданно появившийся белоснежный лебедь и сбросил ей на ладошку маленький светящийся крестик, который она бережно опустила в воду, сотворив молитву.

...Белый Лебедь-свет воссиял с небес, над главой Дитя закружил крылом, обронил с него - крест серебряный, просиял в ладонь малой Дитятки... И с молитвою крест светильничный - опустился да во глубины вод...

- Алешенька, почему гул колоколов стал звонче? Так хорошо звонят, как у нас, в Феодоровском соборе, правда?

- Еще одна душа русская покаялась, - улыбнулся, перекрестившись, Алеша... Дитя с любовью посмотрело на Царственных Детей. И вдруг длинная рубашечка девочки заискрилась переливами неземного света и через мгновение - преобразилась в белоснежные ризы, украшенные алыми лепестками дивного Небесного Цветка. Над головой дитя горел святой нимб, источающий победное, пасхальное жизни сияние...

***"Мы живем одной обнаженной болью, что нет нашей милой
России, но что она будет; какая - не знаем, только не та
мертвецкая, что сегодня..."***

Ночной город был страшен. Из дверей казино, баров, ресторанов гремела музыка, и, казалось, никакая сила в мире не сможет заставить

замолчать этот сатанинский шабаш.

- Алеша! Невыносимо! Больше не могу это слышать... Бедные люди русские, не живут, а мучаются. Солнышко, давай молиться...

Цесаревич достал из нагрудного кармана матроски маленькую иконку своего Отца, Святого Мученика Царя Николая, которую всегда носил с собой. И как только перекрестил ею все видимое пространство над городом, страшные рыкающие звуки стали стихать, и Царевна Анастасия услышала шепот...

Детский молитвенный шепот - разноголосый, старательный - который, подобно святому омофору, укрывал улицы, дома, площади, измученных и лишенных образа Божия людей... Чистая детская молитва струилась как кафельный дым и достигала Неба...

- Боженька, миленький, помоги моему папе больше не пить. Он измучил меня и маму...

- Я не знаю, как к Тебе обратиться, но я верю, что Ты есть. Нам с бабушкой часто бывает голодно и некому помочь... У меня нет ни папы, ни мамы...

- Мать Божия, к нам сегодня в детский дом приходила добрая тетя и сказала, что мы не сироты, и у нас у всех тоже есть мама - Царица Небесная. И хотя Ты на небе, но очень любишь и жалеешь нас. Мать Божия, можно я буду называть Тебя - МАМОЙ? У меня никогда не было мамы, и я так рад, что Ты взяла меня Своим сыночком. Меня зовут Алеша. Запомни меня, пожалуйста...

- Боженька, почему так много зла на земле?! Я уже устал жить, хотя мне только девять лет... Помоги всем людям стать добрее! Папа порвал сегодня иконочку и сказал, что мы с бабушкой никогда больше не пойдем в Церковь. Господи! Прости моего папочку, он все равно хороший!..

Царевна-Мученица Анастасия внимала слезным просьбам страдающих на земле детей и умоляла за них Царицу Небесную.

- Слышишь, Алешенька?!... Пред нами - один город, страшный, мрачный, злобный, в котором плачут дети за грехи родителей своих. А над ним, Там, на Небесах, к которым они обращают свои молитвы, - их родной Дом. Чистый, как слезы этих детей. Их Там слышат и любят... И такое чувство светлое на душе...

- Это Т А И Н С Т В О молитвы, Анастасия. Среди сорняков и полного забвения Бога возжигаются души, как свечечки, нетленным свечением, светом веры во Христа... Прорастает среди плевел Божия пшеница... Это - сила Русской Правды, Русского Бытия...

В ту ночь многим детям города явился во сне Ангелоподобный Светозарный Отрок в бело-голубой матроске. Он всех благословил иконой, на которой был изображен кроткий Отрок в багряном одеянии, с крестом в правой руке - Святой Мученик Царевич Алексей. Светлый Отрок ушел, а в сердцах детей эхом до рассвета звучали слова: "Сама собой Россия не воспрянет, ей нужен Т Ы..." Никогда еще этот город не

спал так спокойно, никогда он не видел таких дивных снов, как в эту ночь - под сенью небесных риз, творимых горячей молитвой Царских Детей - Светлого Царевича-Отрока в бело-голубой матроске и Царевны-Отроковицы в нежно-белом платье, похожем на утро Воскресного дня...

"Я знаю, там, в городе, ночью воют от ужаса дома..."

"Ожидание России... Трепет ожидания в дыхании белых птиц, в шелесте знаменных кистей, свисающих с древков. Ожидание России в зовущем полете вечерней зори, что поет на все четыре стороны света синий трубач. Оно в каждом тихом взгляде. Оно во снах, в неслышных молитвах, о которых знают только белые птицы, что пали, раскину крылья..."

Парк представлял собой небольшую березовую рощу. Царские Дети очень полюбили это место в городе - нежно-зеленый березовый островок, пронизанный светлыми, радостными лучами. Анастасия присела на нагретую солнцем траву рядом с братом.

Алексий с заботливой нежностью взглянул на сестру, на ее хрупкую фигурку, залитую яркими лучами, и сразу вспомнил Ливадию...Беседки, обвитые плющом, искрящиеся фонтаны, старинные оранжереи, полные цветов...Парадный кабинет Государя на первом этаже...Росписи парадных входов и лестниц...Царевна Анастасия стоит у распахнутого окна, в которое вливается весенний блеск, на подоконнике раскрытая книга и облако сирени в белой вазе... Откуда-то снизу, из парадной залы, доносится голос Царицы. Алеша словно наяву услышал чудный голос дорогой Мамочки: "Мое любимое солнышко, Агунюшка, мне грустно без тебя, я сильно по тебе скучаю..."

Анастасия, приподнявшись, поправила брату воротничок на матроске.

- Алеша, я очень скучаю по Папе...

- И я...Сейчас Он в Чечне..., - серьезно ответил Алексей.

- Как долго мы Его не видели! - Царевна с грустью посмотрела вокруг.

- Государь там необходим, Анастасия. Который год идет страшная, безумная война. Папа сказал, что это - наказание Божие...И Он - Царь, должен быть вместе с народом и не оставит его в испытаниях. Он был и остался Верховным Главнокомандующим наших Русских Войск...Он - рядом со своими воинами, истекающими кровью, и укрепляет их молитвой в минуты испытаний. Он там очень нужен, понимаешь? В О Й Н А... И Мамочка-Царица там, и Царевны Ольга, Татьяна, Мария - сестрами милосердия...

-Понимаю, солнышко. Ой, Алешенька, я недавно у Сергея Бехтеева такие чудные стихи нашла! Ты же знаешь, Папа его очень любит, он так поддерживал нас тогда, в заточении...

***И возвратив свою честь и достоинство,
Будет в России, как встарь -
Христоролюбивое славное воинство
И его Вождь - Государь...***

Помнишь, когда читали в Тобольске и Екатеринбурге "Святую ночь" и "Боже, Царя сохрани", у Папочки в глазах стояли слезы...

Анастасия прилегла на траву, закрыв глаза. И вдруг увидела перед собой - наяву, во сне? - Отца в военной гимнастерке, с Георгиевским Крестом на груди, среди солдат... С кротким взором, полным слез, он шел вдоль окопов и благословлял воинов...

А потом Царская младшая Дочь увидела Державного Отца - на п о л е б р а н и... Идущего с русскими детьми в бой - на злобного врага, попирающего наши Святыни...

Огромное дымящееся поле... Но не цветами усыпано оно, а сотнями тел растерзанных воинов-мальчишек, лежавших крестообразно, раскинув руки... Хрустальные, своей чистотой похожие на детские, голоса ангелов - откуда-то сверху - отпевали страдальцев, и Царевна Анастасия услышала скорбные слова, как бы пролившиеся с небес на убитую горем землю:

-И вновь пришло время Мучеников... Каплет новая жертвенная кровь ко Престолу Царя Царствующих за весь исстрадавшийся Русский народ. Сонмы Новомучеников молятся о Родине - Страдалице, дабы возгорелась на поруганной земле СВЕЧА РУССКОГО ВОСКРЕСЕНИЯ...

Совсем юные... Русские наши дети, ставшие исповедниками - за Веру и Родину... Умученные за то, что они русские христиане... По ним Ангелы пели панихиды, но матери не плакали у их гробов... Ведь русским матерям не отдали их тел... Царь Николай смыкал им очи и отдавал последнее целование вместо отцов... Плакал Царь - Мученик, плакал и восклицал: "Плачьте, Ангелы! Рыдайте, правители временные! - так страдает и стонет Моя Россия... Россия, потерявшая Царя..."

Царевна Анастасия видела, как Государь все шел и шел по полю, устланному телами воинов, останавливаясь подле каждого. Вместе с Ним шла в скорби Дева-Русь, простирая Свой Пречистый омофор над русским полем брани...

***Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам...***

Царь-Отец рядом с изголовьем ратника-мученика оставлял икону Державной Божией Матери... Ангел Божий записывал имя святое его - и возлагал сияющие ВЕНЦЫ, бережно опускаемые на поле светлыми юношами в белых ризах...

Царевна разомкнула очи... Они были полны слез...

- Алеша, а ведь Русское Сердце живо... Бьется... Они Т А М умирают

за Святую Русь - удел Пресвятой Богородицы...А значит они - за Царицу Небесную сражаются!...За Богородицу, за Матушку, за Пресветлейший Дом... И уподобились за свое послушание в лица Ангелов, поэтому они - христоролюбивые воины...

"Пришла Россия. Какая есть. Нищая. С дымкой слез в глазах. Полубезумная.

Пришла и сгрудилась возле белых, немых гробов, застланных русскими знаменами(...)

А из-за тяжелых створ алтарных ворот, из тьмы надвигается и на белые гробы, и на огоньки свечей, и на сгрудившуюся толпу - Божия Мать. Идет. Босая. И ветер рвет Ее темные одежды, и Младенец Иисус озяб...

Ты ли плачешь, Мать Пречистая, и Твой ли стон отдается далеким и глухим воем зимнего ветра?

Мы снова хороним. Сгрудились все у белых гробов. Больше ничего нет у нас - только они(...) В гробах - С О Л Д А Т Ы Р О С С И И... "Их же имена Ты, Господи, веси", - гудит медлительно и торжественно зауспокойное отпевание..."

"Здесь - Россия.

И мы пришли и сгрудились, как потерянное, усталое стадо, вокруг белых гробов. У нас больше нет ничего(...)

Но знаю я, понял вновь у этих белых гробов, что все мы - дети одной матери и что построим мы вновь свой отчий дом, прекрасный и светлый. И тот похоронный звон, что несется с высот златоверхого собора, - да будет он утренним благовестом, подающим бодрую весть, что начались снова - жизнь, свет, день..."

Они заметили ее сразу, как только зашли во внутренний двор Свято-Троицкого собора. Она стояла под небольшим деревянным навесом у домика, где пекли просфоры, и казалась никому не нужной...

Царская хоругвь на высоком древке, в виде Двуглавого Державного орла. Позолота местами осыпалась, крыло отсутствовало, дерево потрескалось. Малой Царской короны над одной из глав орла тоже не было. Церковный сторож, увидев Детей, подошедших к хоругви, объяснил, что она уже год тут стоит, и в дождь, и в снег... А нашли ее заброшенной на чердаке храма, под куполами...

- Она очень старая, ей лет 100, еще из Царской России, видать... Когда-то, при Царе, с ней Крестнымиходами ходили, а теперь что... Державы нет, и хоругвь не нужна...

Цесаревич бережно притронулся к растрескавшемуся от времени древку, прижался щекой к крылу Державного орла... Анастасия провела ладонью по уцелевшей Царской короне:

- Посмотри, Алешенька! Она как живая, словно плачет!... Вот бы Папочка ее увидел, она Его, наверное, помнит... Может, даже встречала Отца, когда Он приезжал в этот город. И шла Крестным Ходом с пением "Боже, Царя Храни"... И ничего уже нет, а хоругвь - есть, странно, да? Наверное, не мы ее, солнышко, нашли, а она - нас... Знаешь, Алеша, она непременно должна быть там, где в ней нуждаются, где ее ждут... Она Государю Т А М - очень нужна...

- А она и так всегда с Ним... И с тобой, и со мной, и со всеми, кто еще ЖИВ - в мертвых днях...

"Когда улетят белые птицы, по долине останутся их птичьи следы(...)"

Когда улетят белые птицы, кто станет на почетный караул у каменного надгробья, где распластал грозные крылья орел, заведя очи в гневной скорби?..."

"Ночь ты, земля моя, и на всей земле ночь (...)"

Зверь завыл в ледяных пустынях твоих, земля моя, и по всему миру воеет зверь, оскалив клинки золотых пломб в ужасе смертной тоски..."

Царские Дети стояли посреди книжного базара.

- Алексей! Скорее уйдем! Я не могу идти дальше... Как только люди держат в руках такие книги? На это даже смотреть нельзя! Это же грех и хула на все то святое и чистое, чем всегда жил и дышал русский человек!..

Прямо напротив Анастасии располагался книжный лоток с яркой вывеской: "Все для ваших детей! Забавная Поттеромания!" Какая - то женщина, держа за руку мальчика лет шести, с интересом перебирала книги, с глянцевых обложек которых на малыша злобно щерились монстры и вампиры... Анастасия с горькой нежностью посмотрела на ребенка, потом задумчиво перевела взгляд на маму малыша...

- Мамочка! Я не хочу такие книги! Уйдем отсюда! Купи мне русские сказки, былины...

Женщина удивилась просьбе сына, но от прилавка отошла.

Царским Детям невыносимо было видеть все это и они собрались уходить.

- Смотри, Алеша, а той старушки на углу уже нет! Жаль!... Мне так хотелось еще раз увидеть ее! Ты заметил, какая на ней была шаль - почти такая же, как у Мамы! Теплая и уютная. И книги - старые, наши... Как хорошо, что мы взяли у нее этот томик Тэффи...

Царевна Анастасия прижала к груди маленькую книжечку, на потрепанном переплете которой тускло мерцало название: "Воспоминания".

Когда дети вышли к набережной, Анастасия открыла конец книги и стала читать наугад выхваченные фразы: "Чудесное слово - весна.

Чудесное слово - родина... Весна - воскресение жизни. Весной вернусь (...). Страшный черный, бесслезный плач. Последний. По всей России, по всей России... Вези!... Дрожит пароход, стелет черный дым. Глазами, широко, до холода в них, раскрытыми, смотрю. И не отойду. Нарушила свой запрет и оглянулась. И вот, как жена Лота, застыла, остолбенела навеки, и веки видеть буду, как тихо-тихо уходит от меня моя земля..."

Цесаревич увидел две березки и скамеечку под ними, почти у самой воды и Дети радостно поспешили туда...

- Почитай мне что-нибудь - из своего дневника, - попросил он сестру.

Анастасия достала из своей мягкой сумочки довольно объемистую тетрадь в нежно-розовом атласном переплете, тисненном крупными бутонами роз. Внутри, помимо записей, было много рисунков и акварелей.

- Что же тебе почитать? Я уже давно в нее ничего не писала. Мамочка огорчится, она всегда говорит: "Анастасия, читая книги, выписывай из них то, что тебе близко, на что отозвалась твоя душа..." И сама всегда так делает...

Царевна стала перелистывать странички.

- Ну, вот, прочту тебе из Ивана Ильина: "Быть русским - значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции, и любовью принимать ее, как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни.

Быть русским - значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу... Народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, - то страдания очистят его взор..."

- А что-нибудь из стихов? - попросил Алексей.

- Нину Карташеву, Алеша, я тебе недавно читала, чудесные стихи...

* * *

Очнись, опомнись! Перед кем ты пал?

И на кого ты Родину оставил?

Рассвет. Час просветления настал.

Молись теперь, чтоб Бог твой меч прославил...

Таинственны горние тропы,

И всех вас, Господь, спаси.

Пусть кто-то от Общей - Европы,

А я - от Всея Руси!..

***И слов простых и вечных не отринь.
Спасай Отечество - спасешь себя. Аминь.***

Хочешь, я прочту тебе сейчас Николая Боголюбова, тоже современного поэта. Томик его стихов мне Ольга недавно подарила, помнишь? Ведь кажется, и ты, Алеша, что-то выписывал из его книжечки - себе в тетрадь...

* * *

***Святая Русь - Хоругвь наша победная,
Возлюбленная Родина моя...***

***Быть русским! Под новым, невиданным игом,
Не сдаться, не дрогнуть на Крестном пути.
Быть русским, достойным России великой,
Иначе в Небесную Русь не войти...***

***И невозможно христианину,
Предавши Родину, спастись...***

Ты знаешь, Алешенька, эпиграфом к своему сборнику "Россия, Русь" он взял слова из "Послания Союза Русского народа к русским людям" (1915г.): "Молим вас, Русские люди! Подавайте, пока не поздно, голос земли Русской!"... Хорошо, правда? Очень верные слова!...

Алеша задумчиво смотрел на березку, затем повернулся к сестре. Глаза его были влажны...

-У него есть удивительные строки, они мне просто запали в душу:

***И вернувшись в хмурое сегодня
Из святой молитвенной тиши,
Я пойму, что Русь - Слеза Господня,
Вдохновенье любящей души...***

Анастасия открыла середину тетрадки... - Видишь, Алеша! Сколько замечательных стихов и в это время! Как любят нашу Родину, Русь...

А это из Виктора Лихоносова, тоже современный писатель. Знаешь, он так по-русски пишет... Вот, послушай, одна, но зато какая строчка: "РУССКОЕ БЫТИЕ никак не может пробиться к нам..." Или: "Русский мир закрыт на замок. Ключи отобраны..." Вот еще: "Хожу по городу, сижу в позе приговоренного больного в кресле, тяжело сплю, хватаюсь за газеты, рву их и выкидываю, гляжу на книги: Костомаров, Ключевский, С.Ф. Платонов, Б. Зайцев, Г. Иванов, И. Шмелев. И беру Ваш том, желая тотчас найти рассказ "Несрочная весна..."

"Алешенька, это он о рассказе Ивана Бунина... "Раскрываю, а там

такое созвучие: " И я был один, совершенно один не только в этом светлом и мертвом храме, но как будто и во всем мире. Кто же мог быть со мною, с одним из уцелевших истинно чудом среди целого сонма погибших, среди такого великого и быстрого крушения Державы Российской, равного которому не знает человеческая история!" Нас еще не убили, не повесили и не сожгли, но все мы, промолчавшие в час раздела имперской земли, - погибшие...

"Еще у меня выписано из Петра Краснова...Я так люблю его книги о русских солдатах, отдавших жизнь за Бога, Царя и Отечество... Помнишь, у него - о пленном солдате, который хранил портрет Отца, Царя-Батюшки в голенище... И все душа его болела - как бы не отобрали портрет, как бы не попал он "в поганые вражеские руки": "...и наклею я портрет на дерево и пущу его по тихим водам речным и по той реке, что с какой ни есть русской рекою сливается, чтобы причалил он к русским берегам. И там возьмут его. Там-то, я знаю, сберегут..."

" Смотри, какие чудесные строки из "Венка на могилу": "Сквозь весь этот мир чувств, страданий и молитвы сиял для них тихий образ Царя-Батюшки. Все для них начиналось и кончалось им. Он был их Отец везде - в деревне, в бою, в ранении, в плену... Ибо все добро, все счастье - все было от Бога и от Батюшки-Царя, и могло только быть в России..."

А это, Алеша, строки из Ивана Савина, белогвардейского поэта. У него при жизни вышла лишь одна книга стихов - "Ладанка", в Югославии:

***Да придет!...Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу!...***

Четыре брата его, Алексей, погибли в боях, сражаясь на стороне Белой Армии, а сам он претерпел и пытки в плену, и голод, и глумления... Вот, послушай, о плене: "И вместе с тем сквозило в этой белой покорности что-то до того неуловимо прекрасное, что горчайшее унижение человеческого достоинства мы принимали как венец. Не мученичества, а скрытой, неясной радости и гордости за дух, которого не оплевать и не унижить... Когда "белогвардейцев" били - а происходило это ежеминутно, - я видел явственно в каждой судороге, в каждой капле крови избиваемого ту беспомощную мощь, ту беззащитную правду, которая электрическим током пронизывала меня каждый раз, когда надо мной поднимался красноармейский кулак или нагайка. Только тогда, в те воистину голгофские года, я почувствовал в себе, осязал и благословил камень твердости и веры, брошенный мне в душу Белой борьбой..."

- Почитай еще Николая Боголюбова..., - попросил Алексей и сел поближе, повторяя за Анастасией полюбившиеся стихи:

***Русское небо - в тебе и во мне куполами,
Русское небо - над Русью, распятой врагами,
Русское небо - завет, и призыв, и покров,
Русское небо - зов ангельский колоколов...***

***Резные купола, кресты...
О, древняя моя столица!
Спешу успеть до темноты
Твоею мудростью напиться...
Успеть взглянуть в твои глаза,
Теплом молитвы отогреться.
Мне в сердце скатится слеза
От твоего святого сердца...***

День клонился к закату... На ослепительно белых стволах берез нежными огоньками заиграл малиновый свет, и по речной глади поплыли, вспыхивая, диковинные розовые птицы, все краски сумеречного неба отражая в воде...

...Появление почти у самого берега Белоснежного Лебедя - Царские Дети не заметили. Глаза у него были удивительные, человеческие - и то ли отсвет воды в них застыл, то ли слезная влага... Эта чудесная сияющая птица появлялась всегда только там, где разделяли ее боль и многолетнюю муку - обнять эту грешную землю большими крылами, защитить ее от всего грязного и непотребного... Убелить ее душу, исцелить ее раны... В этот закатный час ни в одном уголке огромного города никто больше, кроме этих Царственных Детей, не ждал и не звал ее...

Лишь два маленьких, нежных детских сердечка вплетали свою боль и любовь в ткань правды Божией на родной земле...

***"Здесь дышит Россия (...) Россия прекрасная, чистая,
рыцарская..."***

Золотой акварелью расцвечивало раннее солнышко улочки и дома спящего города. По пустынному проспекту тихонько шли двое - Мальчик и Девочка... Мальчик в бело-голубой матроске и Девочка в платье, словно сотканном из нежных утренних лучей, в бисере росинок... Две маленькие фигурки, такие хрупкие, беззащитные, и, вместе с тем, такие хранимые - этим небом, солнцем, самой жизнью, трепещущей и светлой, до краев наполненной в дивный рассветный час веселым птичьим гомоном.

Алеша бережно, высоко в Небо подняв древко, нес Царскую Хоругвь. От нее - такой старенькой и пострадавшей от времени - исходило сияние...

Царевна Анастасия держала перед собой икону своего Отца - Царя-Мученика Николая- это был высокаторжественный день Русской Державы - день Его рождения. Еще там, у Свято-Троицкого храма, от которого Царские Дети начали свое Крестное шествие, Цесаревич заметил, как семь маленьких капелек мира стекли со свитка в левой руке Благословенного Отца. На свитке была молитва Русского Царя: "Несть жертвы, юже Аз не принесох бы во спасение России..."

- Плакать надо, Алеша, родной, по всему, что было..., - сказала Царевна, крепко прижимая образ Царственного Страдальца, Державного Отца русского народа к груди, - плакать словами Ивана Лукаша об исходе Белой Руси: "Мы были одни, и нас было немного в студеной тьме. Вся Россия как будто бы исчезла в метели, онемела, и отзывалась она нам волчьим воем красных, их залпами, одним страшным гулом пустоты..." Но так не может быть всегда, правда, Алеша? Нужно молиться...всем...много и слезно молиться... А еще - делать, обязательно каждому что-нибудь делать для России, Святой Руси...изо дня в день...

Время от времени Царевна Анастасия поднимала икону Святого Царя-Отца высоко над головой и благословляла ею дома, улицы, переулки, всех крепко спящих за пустыми окнами жителей города...

- Я верю, родной мой Царевич, несомненно верую, что если мир войдет в сердце русского человека и в сердца всех этих людей, забывших, что они русские, забывших, чьи они Наследники и какого они Духа, то проснется тогда сердце народное и заплачет оно "по Вере поруганной, по Царе умученном, по Родине загубленной!"...И будут все каяться, и плакать...Как плакала Царская Русь...Как плакал Сергей Бехтеев словами "Православной сказки", всем покаянно напоминая, что все так же идет Царь-батюшка по земле Русской, "все так же детски - кротко и чисто глядят Его добрые, добрые глаза" на любимый народ... Только вот народ, возлюбленный Царем, еще спит, и многие не видят Царских очей и не слышат Царского Зова...

На какое-то мгновение Царственным Детям показалось, что город своей бездушной, каменной громадой стал наступать на них... Его жители по-прежнему крепко спали, но Дети-Ангелы услышали вдруг злобные крики, ругань, визг, звуки агрессивной музыки, смех толпы...

Зло рвалось заглушить тихие и кроткие молитвы Царских Детей, наверняка зная, что они могут всколыхнуть, разбудить людей. Ведь нет на земле силы сильнее жертвенной Любви и горячей молитвы! От этих двух молитвенных Царских свечей - Цесаревича-Наследника Алексия и Царевны Анастасии-Воскресения - словно живые светящиеся нити расходились по миру, сокрушая его мертвенность и пустоту. Во все концы Вселенной победоносно растекались мощные потоки Божия Света...Призывая пробудиться от сна, призывая стать сопричастными тому, что совершалось и совершается на Священном Поле Духовной брани...

- Анастасия! Какие торжества были в этом городе в день приезда Батюшки-Царя! Какая радость! Ликование на лицах всех верующих! Все украшено цветами, гирляндами, флагами! Кругом иллюминация! Ведь тогда, в 1915 году, именно по этому проспекту шел Государь... В тот день из жителей города всех возрастов, способных выйти на улицу, не осталось ни одного, кто не вышел бы встречать своего Царя...

В витринах магазинов и лавочек выставляли портреты, дома украшали Царскими вензелями, звучала духовая музыка. Царские знамена могущественно взвивались ввысь и осыпали народ снопами золотых лучей, сбегаящих с расшитых полотнищ. Тротуары не вмещали верноподданных, желающих поклониться в ноги Помазаннику Божию. Многие держали в руках портреты Державного Государя. Какой был подъем духа! Храмы и обители звонили во все колокола! Святой Царь Николай молился за Свой народ у великих святынь этого города. И все пели "Боже, Царя Храни!"... Многие плакали...Каждый желал увидеть дивные кроткие очи Царя. Для всех это было великое счастье - Высочайшее Посещение...

В какое-то мгновение Цесаревич словно наяву услышал и колокольный звон, и музыку, и несмолкаемое "ура"...А родное русское "ура" - это великая сила!

ГОРОД СПАЛ.

Наследник ровным, сильным голосом запел:

***Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй во славу,
Во славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный,
Боже, Царя, Царя храни!..***

ГОРОД СПАЛ.

Но с первыми же звуками великой "Молитвы русского народа" - встрепенулась Русь-птица, взметнулась над землей, благословляя сверху двоих Детей, крепко державших древко сияющей Царской Хоругви. Сколько лет она хранила эти звуки, эти нетленные слова! Сколько лет она пела их тихонечко одна, в прикровенных лесах и скитах, оплакивая поруганное Отечество...

- Алеша, ты слышишь? - Анастасия подняла к Небу изумленные, радостные глаза...

Откуда-то сверху, с Небес, на них величественно обрушился многоголосый, торжественный, мощный хор. Он гремел, как набат, он взывал и плакал, как Царь-Колокол. Казалось, вся Русь - и Земная, и Небесная, и нынешняя, и та, что была когда-то - вторила ангельским голосам Царских Страдальцев-Детей:

***Перводержавную
Русь православную,
Боже, Царя, Царя храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное,
Все ж недостойное
Прочь отжени...***

Царские Дети шли и шли вперед, ясно слыша Зов...К полю, тому огромному, чистому русскому полю, где их, они знали, ждала Русь. Заповедная, сокровенная, единственная Богом данная родина...

***Я раздвину время, словно шторы,
Выйду на поля Руси моей,
В древние, бескрайние просторы,
В белый свет ее монастырей...***

- Сколько храмов, Алешенька, смотри! Стоят, как большие белые птицы, вот-вот готовые вспорхнуть...И озеро, о котором ты мне рассказывал...

В трепетной лазури неба вспыхнули, дрожа, тысячи свечей - пасхальных, красных - и кроткие Дети увидели, как из вод Светлояра, озера необычайно светлой воды, с "голубинового крыла отсветами", прямо в небеса стали подниматься люди, множество людей. Тысячи Святых Мучеников, Исповедников, Угодников Божиих... И среди них Царевич увидел Святого батюшку Серафима Саровского...

...Навстречу Светлому Отроку-Мученику Царевичу Алексею из храмов бежали дети. Они светились тихой радостью и умилением. В руках они держали цветы и благоуханные ветви. Их было так много, что казалось, всех-всех детей своих собрала здесь Матушка-Русь. Будто сонмы ангелов!...Они несли с собою Небесный Свет и Чистоту...Святая Русь, удел Пресвятой Богородицы, украсила свою землю безценным необоримым сокровищем - детьми, верными Христу и Царю...Среди них Алексей и Анастасия увидели и тех, чьи горячие молитвы слышали тогда, в страждущем ночном городе. В сердце каждого ребенка пульсировал живой алый Пасхальный Огонек Веры...

Некоторые дети радостно вели за руки своих милых родителей и говорили им: "Теперь видите? Нельзя спать, иначе проспите УТРО...Благодарение Богу, что вы нас услышали и проснулись..." Благоухающая Царская Ветвь - Цесаревич Алексей и Царевна Анастасия - стояли как Ангелы, как два Херувима...Они высоко держали Победоносную Царскую Державную Хоругвь...НИКА!...Окрест - дети Святой Руси... Благословив их и передав им Царскую Хоругвь, Алексей и Анастасия подошли к Сияющей Деве - Святой Матушке-Руси. А дети, встав на коленочки и повернув свои лица к Небесной, Торжествующей

Церкви, горящей, как Божий алтарь, с чистой детской верой воззвали:

**Боже, спаси Россию!
Боже, спаси Россию -
Молитвами мира нетленного
Царевича Алексия,
Отрока убиенного!...**

И тут Святая Великомученица Матушка-Русь, Святой Царственный Отрок-Мученик Алексей и Святая Цесаревна-Мученица Анастасия, обратив свои кроткие взоры к сияющим на куполах Божиих Храмов крестам, тихо опустили на землю... А с Небес, подобно очищающему огненному дождю, в то же мгновение открылся ангельский свиток: "Покайтесь, люди Русские, время бо близ..."

"Светлое воинство, призрак белый, благостно веет уже над Россией.

Нетленные белые розы возрастают на черном Русском Кресте..."

Шелковые травы серебристого ковыля волнами ласкали бегущих по полю детей. Легкий ветерок звенел в ушах как нежный серебряный колокольчик. В ласковом весеннем небе кувыркался, перелетая из одних детских ладоней в другие, маленький резиновый мячик. Звонкий смех, всплески радости... Разгоряченный игрой с детьми, Алеша восторженно прокричал Анастасии:

- Ночь еще, но У Т Р О скоро...

Девочка-Царевна, с нежно-розовым от бега лицом, тепло улыбаясь брату, отвечала:

- Ночь еще, но утро - Б У Д Е Т ...

Дети, бегущие за Алешей и Анастасией, подхватили как эхо их слова:

- Ночь еще, но утро будет!..."Будет, будет, будет...", - отвечали им травы, и небо, и цветы...

...Там, где Небо приникает к земле, не касаясь ее своими босыми стопочками, тихо шла Маленькая Девочка, в белоствольной длинной рубашечке. Она ласково смотрела на детей, а в руке у нее был Божий цвет - колокольчик. Звон его, поначалу едва уловимый, с каждым мгновением становился все звонче, громче, все призывнее... Ближе!

Над полем поднимался Рассвет...

"Но будет день...Ты, земля моя, как заутрие нового царства, и ты будешь день, моя земля..."

**СВЯТАЯ РУСЬ - СТРАТОТЕРПИЦА К ЗАУТРЕНЕ ЗОВЕТ !
СЛЫШАЩИЕ ДА УСЛЫШАТ...
АМИНЬ!**

ПРИМЕЧАНИЯ (к цитатам)

1. Шергин Б. Изящные мастера (Поморские былины и сказания). М. Молодая гвардия. 1990. С. 411.
2. Бехтеев С. Грядущее (Стихотворения). Санкт-Петербург. 2002. С. 316.
3. Шергин Б. Изящные мастера (Поморские былины и сказания). М. Молодая гвардия. 1990. С. 341.
4. Карташева Н. Порфира и виссон (Лирика). М. 2000. С. 449.
5. Ильин И. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Религиозная философия. М. Медиум. 1994. С. 80.
6. Автор строк неизвестен.
7. Бехтеев С. Грядущее (Стихотворения). Санкт-Петербург. 2002. С. 383-384.
8. Ключев Н. Избранное. Санкт-Петербург. Диамант. 1998. С. 117-118.
9. Карташева Н. Порфира и виссон (Лирика). М. 2000. С. 120.
10. Бехтеев С. Грядущее (Стихотворения). Санкт-Петербург. 2002. С. 397.
11. Тэффи. Тонкие письма (Рассказы. Воспоминания). Санкт-Петербург. Азбука-классика. 2003. С. 281-282.
12. Карташева Н. Порфира и виссон (Лирика). М. 2000. С. 14.
13. Там же. С. 20.
14. Там же. С. 150.
15. Боголюбов Н. Будь верен до смерти... (Поэзия русского сопротивления). М. 1999. С. 35.
16. Там же. С. 7.
17. Там же. С. 16.
18. Боголюбов Н. Россия, Русь... (Стихи). М. 1999. С. 3.
19. Лихоносов В. Бесплезные записки // ж-л Дон. Ростов-на-Дону. 1999. №1. С. 43.
20. Там же. С. 39.
21. Лихоносов В. Последние времена // ж-л Дон. Ростов-на-Дону. 1999. №1. С. 11.
22. Краснов П. Тихие подвижники (Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии). М. Страстной бульвар. 1992. С. 33.
23. Там же. С. 56.
24. Савин И. // Крымский альбом. Феодосия - Москва. Коктебель. 1998. С. 151.
25. Савин И. Плен. // Там же. С. 139.
26. Боголюбов Н. Россия, Русь... (Стихи). М. 1999. С. 26.

27. Там же. С.33.

28. Бехтеев С. Грядущее (Стихотворения). Санкт-Петербург. 2002. С. 132.

29. Боголюбов Н. Россия, Русь... (Стихи). М. 1999. С.3.

30. Карташева Н. Порфира и виссон (Лирика). М. 2000. С. 374.

31. Прот. Сергей Гаккель. Мать Мария. С.123.

32. Там же.

В качестве эпиграфов, разделяющих главы сказки, использованы цитаты из книги очерков.